

Олег Ока

ПУСТОЙ ГОРОД

Маршруты КаКаБРа

Олег Ока

Пустой город. Маршруты КаКаБРа

«Издательские решения»

Олег Ока

Пустой город. Маршруты КаКаБРа / Олег Ока — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857809-0

Состояние цивилизации 23-го века тревожит людей, отвечающих за её духовность. Появляется всё больше признаков непонятого вмешательства в дела людей. Расследование поручено человеку из 21-го века. Две организации пытаются вмешаться в ситуацию, но методы одной из них могут привести к катастрофе...

ISBN 978-5-44-857809-0

© Олег Ока
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Между смертью и Землёй	6
1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
Глава 2. Питерские птенцы	14
1	15
2	17
3	18
4	19
5	23
6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

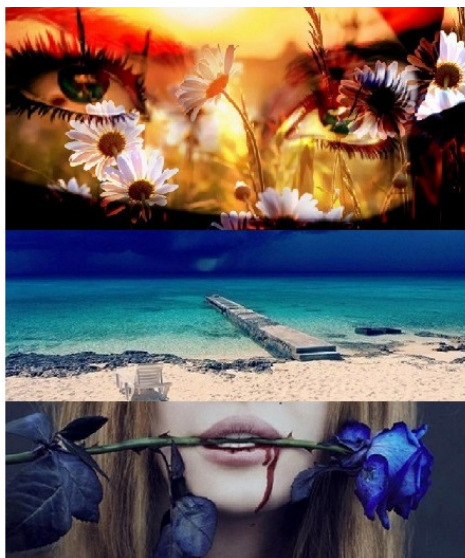
Пустой город Маршруты КаКаБРа

Олег Ока

© Олег Ока, 2019

ISBN 978-5-4485-7809-0

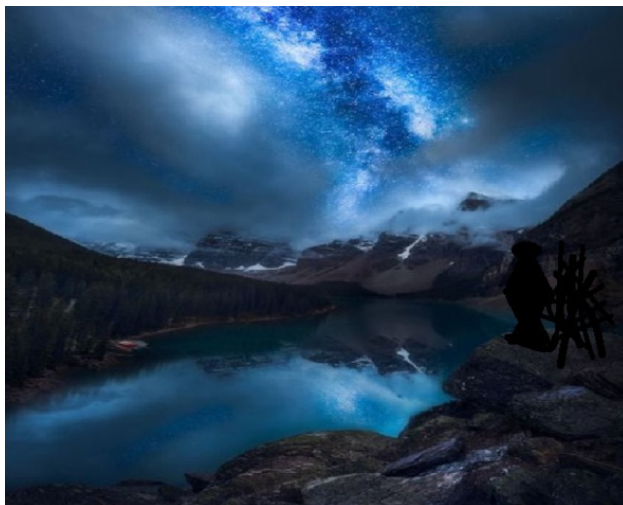
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



«Мужчины недостойна эта скорбь
И обличает недостаток веры,
Слепое сердце, пустоту души
И грубый ум без должного развития.
Что неизбежно и в таком ходу,
Как самые обычные явления...»

*«Гамлет, принц Датский» В. Шекспир
пер. Б. Пастернака*

Глава 1. Между смертью и Землёй



1

Хочется. Хочется жить. Дышать, ощущать, двигаться... Вдыхать аромат полевых цветов, свежесть травы в росе. Видеть удивлённые глаза, радугу на небе, омытом солнечным дождём, солнечные блики в оконных стёклах. Слышать смех, журчание воды, медленную музыку, далёкие раскаты грома тёмным вечером. Следить взглядом за пробегающей по своим делам собакой, поворачивающим за угол трамваем...

Но... Где мы живём?

Медленно оглядимся вокруг и увидим...

Бесконечность ледяной черноты, заполненной клубами безжизненной пыли. Жадные всплески протуберанцев кипящей плазмы и прочерки пылающих обломков рассыпавшихся планет. Марево пространственных складок, сворачивающих свет звёзд в призрачные замкнутые объёмы. Взрывы масс материи и провалы пространства в НИЧТО, поглощающее всё сущее и превращающее материю в противоположность. Всё это не живёт, но существует в абсолютной пустоте, вне времени, между двумя бесконечностями, постоянно превращаясь в самое себя и тут же разрушаясь, чтобы снова претерпевать изменения.*

Человек здесь не более, чем вспыхнувшая частица аморфной материи, со всеми своими заботами, страхами, бедами. Всё это ЗДЕСЬ не имеет никакого значения...

2

Он наконец проснулся, и тут же вспомнил дикий, давящий сон, изводивший его, кажется, все последние двести лет... Долгий изнурительный кошмар, сводящий с ума бессмысленностью и цикличностью, всё возвращающийся на начало и не имеющий финала. Он знал, что сон управляем и программируется по проверенной программе, но разум восставал против безумства его создателей, составивших эту программу двести лет назад и предсказавших её последствия на основе данных, не имеющих аналогов ни в нашей вселенной, ни в одной из уже существующих соразмерностей, а потому до сих пор неоднозначно не подтверждённых, и не имеющих однозначного понимания. Что значит «вечность» в постоянно исчезающем мире, реальность которого постоянно и бесконечно начинается с нуля. Кому и зачем это нужно? Вот вопрос, который лежал в основе всех работ, и его сна также, но что дал-бы ответ, даже предположить нет возможностей. Скорее всего ответ означал-бы полную бессмысленность бытия всего, и не имел смысла, как самоуничтожение... но была почти исчезающая возможность инвариантности ответа...

Он с натугой сел на ложе, поставил худые ступни на каменный пол, какое-то время тяжело дыша... Было в сне ещё что-то, какая-то тёмная сущность, похожая на намёк возможности действия... /**Нечто указывало в сторону создания разнополюсных ситуаций, имеющих тенденцию к осуществлению противодействия программе. Об этой возможности даже думать было страшно... И это было приятно... Конец вечной неопределённости, вот что это означало...

Шаркая по плитам, он прошёл на кухню, бросил пару поленьев в очаг, поставил на решётку кофейник и возжёт яркий огонь. Кофе за две сотни лет не испортился, сохранил аромат жизни и энергии, Тим мелкими глотками наслаждался ощущением бытия, тяжело вздохнул. Что изменится в следующие сотни лет?

Что угодно! А он будет холодно фиксировать процесс и анализировать. Кто-то должен появиться, чтобы использовать его в работе. Об этом было сказано в инструкциях и разработках... Какие мудрецы древности взяли на себя труд регламентировать вечность? Но ведь так бывает всегда, не правда-ли? Всегда найдётся человек, закатавший рукава и ухватившийся за рычаг Архимеда, хотя никто его об этом не просит. И сон возвращается...

3

– Возьми вот эту книжку, – сказали ему, – и медленно прочитай.

– Где взять?

– Где хочешь. В ноосети есть всё. А. и Б. Стругацкие, «Миллиард лет до конца света».

Пол-часа хватит?

Ему хватило.

– И что? Сказка. Один из множества вариантов, не имеющих подтверждения.

– Да. Но это наглядно очерчивает круг тем, которые тебя НЕ должны интересовать. Что должно быть вне поля твоих действий.

– Не понял.

– То, что писатели называют МИРОЗДАНИЕ, мы определяем, как Бог. Против Бога идти бессмысленно. Также у нас нет таких учёных, которые работают над темами, в перспективе угрожающими существованию мироздания, это нонсенс, и это не наша, и не твоя забота. Также не существует никаких тайных союзов неких Мудрецов, имеющих доступ к истинному знанию. Знание есть, сект нету.

– А что есть?

– Есть непонятные аберрации в ноосети. Есть общественные движения непонятной направленности, неизвестных режиссеров, непонятной мотивации. В сети есть области «закрытой информации», к которым правительство не имеет отношения. Возможно, это спонтанные хулиганские действия так называемых ... «хакеров», термин древний, плохо понятно, что скрывается за ним, организация, или неорганизованные неадекваты. И ещё предполагается существование группы специалистов, действующих явно целенаправленно, вряд-ли это организация, возможно, просто сообщество единомышленников. Их цели и методы непонятны, но они как-то оказывают дестабилизирующее влияние на слои общества... скажем так, малокультурные слои.

– А возможно влияние на общество работ в области искусственного интеллекта? В своё время было много спекуляций на эту тему?...

– Эта возможность не обсуждалась, но вряд-ли. Создание такого интеллекта требует значительных мощностей ноосети, участие солидной группы солидных специалистов, такой интеллект трудноуправляем, и неизбежно раскрылся-бы. Мы категорически не отрицаем такую возможность, но ты не должен отвлекаться на эту тему, хотя, мы тебя не ограничиваем в выборе методики работы.

– Какие серьёзные предположения, наработки, может быть сообщения в сети, чьи-то работы, на которые можно обратить внимание? Есть хоть что-то серьёзное, просто интересное, странное, может быть, кроме озабоченности?

– В сети пару десятков лет назад появлялось... предупреждение о возможных осложнениях в обществе. Ничего конкретного. Намекалось на деятельность некоего чрезвычайного комитета общественной безопасности, якобы стремящегося образовать альтернативное правительство.

– И?

– И всё. Никто не отозвался, никто не заинтересовался, ситуация тогда казалась стабильной. И тема сошла на нет.

– Кто был автором информации?

– Имя было названо вымышленное, пытались идентифицировать через сеть. Наткнулись на одну из первых «чёрных дыр» в сети, привязанную к Австралии. Человека обнаружить не удалось. Пока занимались декодированием закрытой области, информация была стёрта. Человека обнаружить не удалось. Да и не очень об этом заботились.

4

Он помнил всё, что его касалось непосредственно. Как выискивались кандидатуры, он не знал. По каким критериям, показателям, источникам, на основании чьих рекомендаций? Всё это было неважно. Он понял одно: когда идея искусственного интеллекта полностью провалилась, и учёные, работающие по этой теме, дружно отказались от дальнейших усилий, их наработки нашли другое применение. Требовались не супермены. Их-то как раз с успехом могли заменить машины. И требовались не супермозги, этого хватало с избытком, а там, где всё-таки нужна была нечеловеческая мощь, создавались тандемы-биомехи.

Нужны были конформисты, адаптеры, люди, чувствующие себя везде своими, **НУЖНЫМИ**, и не признающие авторитетов, отвергающие каноны и догмы, **ЕСТЕСТВЕННО** отвергающие, не ставящие себя выше, но принимающие задачу с пустого места, без указателей, ограничителей и направляющих перстов. Знающие много, но не знающие ничего. Стоящие в нулевой точке любой системы координат.

Он не знал, использовались-ли эти люди где-либо, или ещё не было случая. Скорее всего, не было, такие задачи перед людьми ещё не вставали, обычно проблема решалась быстро и просто подручными средствами. А они ждали. Некоторые вели какие-то свои исследования, не имеющие перспектив применения, не прикладные, и вряд-ли когда-либо найдущие место в опыте человечества. Писали философские эссе, без логики, без мотиваций, без сопряжения с жизнью. Он не знал. В принципе, их ни в чём не ограничивали, кроме смерти. Это было обязательным условием. Не хочешь существовать – спи. Кто придумал такую хитрость, было точно не известно, так-же, как и причины обязательности этого условия. Рекомендовались интервалы нормальной жизни в обществе. Ты мог найти пару, создать семью, жить, как все, но приходил момент, и ты уходил. Это было неизбежно, и потому они избегали провоцирующих ситуаций, знакомств. И это не угнетало, многие жили временно, заранее обговаривая условия, чтобы не было больно, зная срок и не имея желания изменить его.

Тим никогда не стремился к изменениям, его всё устраивало, и он знал, что так будет столько, сколько он сам себе определит. Это забавляло его, он даже написал пару книжек на тему добровольного отказа от общества, и развития отношений с одиночеством, потом разжигал камин бумажными листами, на которых писал, это давало ощущение долговременности, и ему было грустно, это был просто этап развития личности, как в образовательном учреждении дети переходят с этапа на этап, и часто это воспринимается трагедией, и так до следующей ступени. Всю жизнь.

5

Можно-ли представить себе какое-либо сверхсущество воспринимающим эмоции всех миллиардов людей, составляющих человеческую цивилизацию? А – если уж на то пошло, бесконечное количество цивилизаций? Ведь мы – явление не уникальное в Космосе, а постоянно привлекаемое. Тем более, что все наши эмоции легко классифицируются, то-есть превращаются в предмет статистики. ВСЕ, не делая различий на обстоятельства. Это человека вообще можно воспринимать, как объект статистики. А каждого в отдельности? Ведь есть ещё и Гитлер, например, который в этой связи поставил смерть одного и – миллиардов. И ведь это действительно так, если рассматривать живого человека, а не его идеализированную функцию. Один – ваш близкий, а миллионы – где-то там. И при чём здесь духовность? То-есть, мы за духовность, если она касается всего этноса в целом, а вот когда метеорит падает в наш огород, – «Господи, помоги!» Конечно, БОГ может оценивать наши реакции (эмоции), ОН даже разбирается в них лучше нас самих, но это лишь количественные оценки, вроде статистики войн, или стихийных бедствий, или описание химических реакций. Человеческие горе, отчаяние, боль в сухих «цифрах». Или, если угодно, в мегабайтах.

В эпоху высоких технологий, обитая в ошеломляющем информационном потоке, всё дальше люди растворяются в пучине бездуховности, человек получает больше возможностей к холодной оценке БОГА, не как сущности (Вряд-ли это когда-то будет доступно нашему пониманию.), но как нашего СОЗДАТЕЛЯ и пользователя или, если хотите – ОПЕРАТОРА. Не компьютерного пользователя, но как компьютер использует программы, боты, драйверы и прочую мелочь, которую в случае чего можно и перепрограммировать.

Как механизм пользуется своими шестерёнками и винтиками.

Мне кажется, рассуждал Тим сам с собой, что в нашем случае трудно оценить, кто более разумен (В нашем, человеческом понимании). К. Саймак в «Заповеднике гоблинов» упоминает о возможности восприятия разума, как механизма. Почему нет? А любой механизм легко управляется и контролируется. И в случае надобности модернизируется.

Во всяком случае, в отношении БОГА лучшим определением будет – БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЙ. Эмоций ОН лишен изначально (По причине ненужности и даже вреда «нашему» делу.). ОН не может СОЧУВСТВОВАТЬ, СОПЕРЕЖИВАТЬ, хотя априори и знает об этом больше нашего. Ведь и бобры о речных запрудах знают более, чем мы, и без всяких сопроматов (Меня опять понесло в непонятную сторону?).

Во всяком случае то, что мы считаем определением «человечности» – БОГУ не нужно. Душа нам дана за ради определённых функций, и их параметры заданы в слове ЕГО. Всё остальное – от лукавого.

Ф. М. Достоевский очень интересовался котировкой детской слезы. Ещё кто-то утверждал, будто красота спасёт мир (?), и интересная фраза «БОГ есть любовь» ... Никто не говорит, что бездушие БОГА есть определяющая состояния духовности ЕГО творений. Но, может быть, чувствуя это, люди говорят себе: – «А я что? Лучше всех? А мне это надо?».

6

Предстояла нудная процедура. Поскольку действовать предстояло в среде всех возрастных категорий, внешность должна была соответствовать, вряд-ли дидактичный семидесятилетний человек мог рассчитывать на понимание 17-20-ти-летних. Тим не стал долго думать, взял за основу себя сорок лет назад, загрузил в трансформатор и терпел издевательства пол-часа. Долго разглядывал уже забытую физиономию, остался доволен – почти не изменился, не считая возрастных мелочей. Визажист на ходу подправил растительность под «моду», тоже что-то ветхозаветное, что периодически приходит на смену надоевшему. Инструктор тоже остался доволен, пил кофе, критически поглядывал, хмыкал.

– Меняем маски. Вот года-бы сбросить так-же просто.

– Зачем? Меня не напрягает. Никогда не понимал эти истеричные битвы за вечную молодость.

– Ты прав, конечно, эту глупость ещё Свифт раскритиковал... Со своей сатирической точки зрения. Но для цивилизации это – проклятие.

– Что ты называешь проклятием? Смерть? Смену поколений?

– Нет. Это необходимость, ничего не поделаешь. Но теряется многое, что уходит безвозвратно с каждым человеком – индивидуальность. Конечно, это как-то компенсируется обучением, жизненный опыт можно передать, но реакцию на него нет, умение различать интуитивное знание, это вообще за гранью понимания.

– Ладно тебе, разнылся. Зато у новых новые возможности, о каких мы и не подозреваем. Пусть развлекаются.

– Их развлечения порой дорого обходятся.

– А вот здесь и нужны мамонты.

– Да. В твой ЧИП введена новая программка. Недавно составленная, её ещё нет в общем пользовании. Любопытная штука, она может определять нужное тебе место на основе ассоциативного изучения отмеченных чатов в ноосети и выводить тебя туда через общий «проводник».

– Пойти туда, не зная куда.

– Хоть что-то. Программа доводится, будут поступать обновления. Тебе достаточно будет только войти в капсулу «проводника», не называя конкретного адреса, и на основе отмеченных чатов ты будешь доставлен в место интереса. Останется сориентироваться в обстановке, или, в случае необходимости, переадресоваться.

– Лет пятьсот назад в среде авантюристов ходила игра в «русскую рулетку». Смерть в статистической неопределённости. Как-то не вдохновляет.

– Не всё так мрачно.

– Да. Это любопытно.

– Тим, всё может оказаться не так, как мы думаем.

– Вот это странно. А как мы думаем?

– В этом случае... может не оказаться врагов.

– Вероятны ошибочные предпосылки? Неправильные интерпретации?

– Нет, с предпосылками всё в порядке. И тенденция прослеживается логично. Можно говорить о предчувствии.

– Это твоё личное предчувствие? Я давно тебя знаю, твоё мнение обычно не грешит предвзятостью. Ты кому-то говорил о нём?

– Я пытался... Но тогда получается, что мы не имеем даже ветряных мельниц. В таком роде мне и ответили.

– Так что ты думаешь на самом деле?

– Может оказаться так, что мы вовсе не имеем врагов.

Тим задумался. Он привык уважать чужое мнение, как-бы дико оно ни отличалось от его собственного. А в этом деле у него пока не было совсем никакого.

– Роберт, как прикажешь реагировать на эти новые обстоятельства? Мне отказаться от дела? Ведь ты говоришь серьёзно?

– Именно так. Реагировать? Никак. Просто, если в результате что-то станет тебя смущать, вспомни мнение старого чудака Роберта.

– У старого чудака в заднем кармане больше ничего нет? Ещё какие-то сюрпризы?

Инструктор в задумчивости тёр подбородок.

– Не знаю. Мы использовали все сетевые поисковики, и результаты самые расплывчатые. Слишком всё замаскировано, знаешь, когда-то были в моде романы про шпионов, сейчас уже и сам термин вышел из употребления. Многие сетевые деятели используют выдуманный жаргон, сленг, неизвестный официальным программам. Я сам, по своей инициативе, провёл выборочный анализ переписок...

– Про совесть я не спрашиваю.

– Правильно делаешь. Но это нужно было сделать! Необходимость. Без всякого разглашения в официальных кругах. В общем, результаты тоже не очень, так себе, на уровне интуиции... Есть, понимаешь, анонимная группа программистов-любителей. Видно, что люди творческие и озорные. Но работают результативно. Себя называют «Гнездо заброшенных птенцов». Сетевая романтика. Базируются где-то в районе Санкт-Петербурга-первого. Это всё.

– И что мне делать с этой информацией? Ходить по проспектам и спрашивать адрес?

– Это тебе повод и случай проверить новую программку. Больше ничего.

Глава 2. Питерские птенцы



1

Тим вылупился из кокона под сенью дерев и только здесь вдруг осознал, как долго не чувствовал живую землю. Посмотрев по сторонам и не обнаружив зрителей, он выбрал местечко, где точно не было муравейника, и улёгся прямо на траву. Было очень неудобно и больно, под лопатками торчал камень, оставшийся со времен последнего оледенения, не видимый в траве. Но он полежал не двигаясь некоторое время, сознание должно было адаптироваться в новом, неосвоенном пока теле. И не хотелось погружаться вот так сразу в тину забот и расчётов. Хотелось напротив отдаться безмятежному течению жизни и безделья. Увы, действительность исключала безделье, надо было как можно быстрее становиться аборигеном. Для начала он с некоторой опаской бросил взгляд на обзор ноосети, попытался получить представление об эмоциональной насыщенности, был поражён серостью и скукой, разлившимися окрест, и быстренько покинул сеть, почувствовав что-то нехорошее, но прямой угрозы не содержащее. Сразу-же возвратился, бежать от непонятного было негде. Потом до него дошло – отдельные участки информационного пространства выделялись, почему-то изумрудным оттенком, будто островки молодой травы на сером после зимы поле – видимо, это и были области закрытой информации...

– «Жители района Пуэрто-Морто в Аргентине покончили с жизнью, разрушив производство метасовых технологий, в результате чего произошёл выброс высокотоксичных соединений. Из жизни добровольно ушли 167 325 человек, и это была вполне сознательная массовая акция, объяснение которой не могут найти сотрудники центра психопрактики...» —

Он заглянул в комментарии этого странного сообщения, и с удивлением обнаружил нечто более странное: ни ОДНОГО голоса «против», осуждающего происшедшее, не прозвучало в СЕТИ. Пользователи, похоже, проигнорировали дикий факт, хотя просмотров было около двух сотен.

Его разум автоматически выделял тенденции, отбрасывая случайное, могущее быть исключением, подмечал правила, законы, приёмы. Игра предстояла интересная, и хотелось сразу понять главное, критерии отбора вбросов, их направленность, аудиторию.

– «В мегаполисах юго-восточной Азии и западных районах Канады отмечены появления новой высокорганизованной плесени, размножающейся на пищевом пластике, поступающем во вторичную переработку. Плесень производит продукты отходов, провоцирующие появление психогенных вирусов. Были случаи массовых галлюцинаций, повергающих людей в панику...» – ещё что-то невразумительное, выпадающее в разряд исключительного, и опять не вызвавшее ответной реакции. Может быть, это адресованные сообщения?

И ещё его внимание привлекло состояние дел в планетных колониях. Состояние дел повергло его в растерянность и недоумение. Развалины космодромов в поясе астероидов, захиревшее, погрязшее в патриархальной политике государство Марса, заброшенные заводы, когда-то разрабатывающие проекты по освоению дальних планет. Всё это уже не было новостью, люди не обращали на это внимания, кажется, всё это стало нормой, и только ему бросалась в глаза аномальность такого положения дел. Вообще по жизни так получилось, что освоение планет системы никогда не было его темой, это можно понять, основная жизнь общества всё-таки протекала на Земле, и интересовался он инопланетными делами всегда поверхностно, по рекомендации, раз в десять лет бегло пробежал статистику, не углубляясь в суть происходящего. Но теперь его будто головой окунули в лохань с отбросами. Чтобы хоть что-то понять, нужен был анализ процессов в освоении планетной системы, статистику, экстремальные случаи, общественные реакции... Похоже, это началось с сотню лет назад. Но ведь началось не вдруг, велись какие-то перспективные разработки, существовали планы работ, организации, занятые кадры. Куда всё это делось? Неужели никто не бил тревогу? Или это нор-

мальная реакция на свёртывание работ по сверхдальному космосу? Но планеты-то безусловно нужны цивилизации, без них наступит регресс, стагнация, потеря мотиваций? Корни всего этого безобразия, решил Тим, выросли именно из земной почвы. И что-то здесь было не так. Земля всегда поддерживала колонии, это было одним из факторов, стабилизирующих экономику и инфраструктуру самой Земли.

2

На глаза ему попалась кабинка «проводника» – общедоступного транспортного средства – человек входил в капсулу, представлял нужное ему место, его тело тут-же перекодировалось в информационное сообщение и мгновенно передавалось в пункт назначения. Надёжная, отработанная десятилетиями технология. Хотя и устаревшая, но ставшая частью обихода. Тим читал в СЕТИ сообщения о разработках новой системы передачи разумной материи – без информационных каналов – достаточно было лишь выразить желание, и ты переносился в любое место без помощи каких-то промежуточных устройств в сети. В неразумных комментариях упоминались струны и Римановские проколы, но это было просто смешно. Квантовая физика, управляемая силой воли! Выглядело забавно и эффектно. Однако при пиковых нагрузках ноосети обнаруживался серьёзный недостаток – при переходе энергетическая структура передачи контактировала с одновременными, – возникали помехи, природа которых осталась неразгаданной, последствия-же были непредсказуемыми и в любом случае неприятными. Ходили мутные неподтверждённые слухи о появлении тут и там неких монстров, возникших в результате якобы наложения передаваемых объектов, хорошо хоть не живых. Походило на ошибки нуль-перехода, описанные Клиффардом Саймаком в «Заповеднике гоблинов». Кто там был конкретно, выяснить не удалось. Люди пропадали, расследования не дали никаких результатов, и работы в этом направлении были прикрыты (здесь уже ясно чувствовался некий непонятный фактор, чья-то направленная воля ...) Гоблины, блин! Информационные-же каналы были надёжно предохранены от посторонних взаимодействий. Правда, в последнее время участились сообщения об анекдотичных случаях, когда замешкавшийся при выходе из капсулы человек получал ощутимый толчок в спину от следом прибывшего. Пока это было смешно...

3

Ему надо было в место, известное как «гнездо брошенных птенцов» (что бы это ни означало), о нём мелькали упоминания в блогах, но всё намёками, с оттенком шпионских романов. В любом случае это сообщество существовало (чем-бы оно ни являлось), и была надежда, что там можно раздобыть кое-какую информацию не для широкой публики, а для посвящённых. Пришлось погрузиться в мыльницу противного розового оттенка, потом лёгкий гул, затемнение сознания, и он вышел... на площадь у Нарвских ворот...

– Это попал... Родина, блин, вот не знаешь, где найдёшь. – он растерянно смотрел на устье Нарвского проспекта, на протянувшуюся тень ворот, чувства были переполошены, как у Алисы, очутившейся в родном Зазеркалье. Здесь всё было знакомо с сумасшедшей молодости, хотя многое и изменилось. Меньше стало торговых зданий, больше заведений для отдыха, убавилось назойливой рекламы, исчезла паутина проводов над головой.

Обычное питерское солнце выглядывало из-за прохладных облаков, и всё было обыденно и вполне пристойно...

В раздумье он присел за столик под тентом, постучал пальцем по столешнице. Высветилось минименю. Тим ткнул пальцем в «кофе натуральный без сахара». Тут-же перед ним расцвёл, радужно замерцал пузырь, лопнул – на столе стояла прозрачная кружка с коричневым напитком. Тим взял её, осторожно понюхал. Да, запах был натуральным... Кофе натурально обжигал и пахнул тоже натурально, как кофе. Тим вздохнул, – последние в природе кофейные деревья сдохли лет сто двадцать назад. Возродить их так и не удалось. Как и сотни других видов растений. Нерасшифрованный генетический фактор. Тут тоже чувствовалось чьё-то незримое вмешательство... Вот только смысла в этом не было. Деревья-то кому помешали? Или чему... Нет информации... Информация нужна была позарез. В задумчивости он постучал пальцем по столешнице, с неудовольствием покосился на выскочивший розовый листик меню, сделал вывод, что с дурными привычками надо кончать. В сеть за неконкретной информацией обращаться не хотелось. Инструкцией это не возбранялось, но какие-то непонятные намёки проскальзывали... В голове тут-же зазвучал приглушённый бесцветный голос инструктора :

– ... Сеть явно контролируется. Контроль ненавязчивый, но стабильный. Не фиксированный. В информационном поле обширные области закрытой информации неопределяемой структуры. Информация, туда попадаемая не систематизирована, темы вольные, её направленность непонятна, просто общая информация по самым общим темам. Кто за этим стоит, мы не знаем, но это планетарная организация, цели которой также непонятны и не прогнозируемы. В принципе такая организация нестабильна, но её возможности... нас удивляют. Вполне возможно, речь идёт о контроле не только над информационной сетью, но и над инфраструктурой... Любые соображения или даже намеки будут приветствоваться... И... постарайся хотя-бы выборочно контролировать свои контакты с сетью...

4

Цель поисков была определена инструктором, но всё дальнейшее представлялось в совершенном тумане. Что дальше? Вот, он в начальной точке. Судя по намёкам, ему нужно было сообщество молодёжи; вряд-ли взрослые, серьёзные люди назвались-бы «брошенными птенцами». И искать их следовало в районе Нарвских ворот. Тим в задумчивости обводил взглядом панораму мегаполиса, и взгляд скользил, не задерживаясь ни на чём. «Где-бы я прятался, будучи листом? В лесу...». Этот принцип не срабатывал. Молодёжь, занимающаяся предосудительными делами, играет в супер-людей, в тайну. Перешёптывания, многозначительные пустые фразы, ссылки на каких-то персонажей, которые известны только в их подтексте. Это означает, что надо быть ими, чтобы проследить путь их секретных игр. Ладно, пойдём от противного, ведь я жил здесь, и мне было двадцать пять! Чем мы занимались? В первую очередь Стадион. Его уже нет, снесён лет тридцать назад, и на его месте изгибаются слепящие плоскости развлекательного центра. Нет, там им делать нечего, людно и много глаз. Частная квартира? Где нечего остерегаться, не надо таиться, и нет главного – игры. Значит, где-то на зрителях, но которым о спектакля нет никакого дела. Что там, за центром? Парк «Екатерингоф», каштановые аллеи, Бумажный канал, в центре парка озерцо с пляжем и водными велосипедами. Вот! Вот место, где группа молодёжи может проводить время, не привлекая ничьего внимания и разыгрывая венецианские пантомимы. На глазах у всех можно проводить акции в ноосети, обсуждать, составлять программы... И он побрёл по изгибающейся улочке к мосту через Бумажный канал, настраиваясь на отдых у прохладного озера. В глубь парка от мостика через Бумажный канал углублялась центральная аллея, затенённая раскидистыми многолетними каштанами. Под их кронами, на травянистом пляжике располагалась в живописных позах группа молодняка, голов около дюжины обоёго пола. Ребята вели себя естественно, как могут себя вести люди без всяких признаков одежды. Если не считать одеждой какие-то кожано-металлические аксессуары, болтающиеся на самых откровенных частях их красивых, загорелых тел. И Тим был немало удивлён, когда один из них приветственно помахал ему рукой. Хмыкнув и покачав головой, Тим побрёл вдоль берега вглубь парка, где заросли подходили к воде почти вплотную. На поверхности воды кое-где лежали жёлтые кружочки листьев, признак начавшейся осени. Здесь Тим сбросил куртку, опустился на мягкий газон, подумав, стащил ботинки... Он совершенно упустил из виду, что внешне совершенно похож на этих ребят, молодой, небрежно одетый атлет, видимо, страдающий от безделья. Пусть... Ему надо было многое обдумать; – первые шаги, возможности контактов, выбор контактёров... Расслабившись, он откинулся на спину, прищурившись, смотрел на спокойную поверхность воды, пока не почувствовал присутствие рядом человека. Скосив глаза, он увидел стройные женские ноги, скользнул взглядом вверх и тут-же отвёл глаза: – на женщине... почти девочке не было ничего, кроме легкомысленно повязанной яркой ленточки вокруг худощавых бёдер.

Девчонка, прищурившись, насмешливо глядела на него.

– Ты больной?

– Почему? – Начало разговора Тима удивило, и он растерянно осмотрел себя, что не так? – С чего ты взяла? У меня бледный вид?

– Здесь все свободны, раскрепощены, а у тебя экипировка арктическая.

На нём были только майка из грубой ткани и технические штаны.

– Будь проще. Ты скован комплексами?

– Похоже, комплексы у вас не в почёте...

– Это точно. А почему у «вас»? Ты издалека? – она не дождалась ответа, потрепала его за майку. – Расслабься! И освободись ты от своей упаковки!

И в самом деле, какого чёрта! Хочешь результатов – будь, как все! Он нехотя поднялся, но всё-таки отошёл к дереву, в тень, ему казалось, что компания на пляжике с интересом наблюдает за ними... Только казалось. Никто никому здесь не нужен был. Девчонка семенила рядом с восхищением оглядывая его ладно слеplенный торс. Под деревом – всё-таки укрытие! – Тим стащил майку, расстегнул застёжку штанов, те послушно упали на землю, и только тут обнаружилось, что под ними нет ничего.

Новая знакомая стояла почти вплотную, её взгляд с одобрением скользнул по груди, по животу, опустился ниже, и её глаза восхищённо округлились.

– Аполлон! Геракл! Это я шучу, но всё-равно, класс. Спортом занимаешься? Не обижайся, но выглядишь великолепно!

Голова исчезла внизу, она опустилась перед ним на колени, он почувствовал её тонкие мягкие пальцы на животе, потом ниже, и по нервам будто разлилась обжигающая волна, даже скулы заломило от блаженства. От неожиданности он чуть не вскрикнул, ему захотелось сказать нечто глупое и ненужное, вроде, куда ты, не надо! но он удержался, простонал что-то невразумительное, положил ладони на её головку, которая задвигалась ритмично и завораживающе, и его бёдра тоже стали двигаться в такт её движениям, отдаваясь бездумно и как-бы без участия воли. Весёлая компания на противоположном берегу была забыта, всё расплылось, стало мглистым и незначимым... А она уже оплела руками его шею, её ноги сплелись на его бёдрах, ему пришлось откинуться назад, опереться лопатками о ствол каштана, и – о, боги! – это было совершенно вне разума, его тело не слушалось, исполняя как будто дикий танец на грани безумия, нервы горели, и в голове вспыхивала только какая-то бессмысленная фраза, и разноцветный хоровод...

Пришёл в себя он уже лежащим на траве, и её головка лежала на его груди, а пальцы медленно двигались по её коже. В голове царили вакуум и туман, глаза бездумно смотрели на ветви каштана.

– Ребёнок! – зачем-то сказал он. – Что-ж ты творишь...

– Плохо, да? – лениво отозвалась она. – А ты в форме. Мне понравилось.

Она подняла лицо, изучающе смотрела, думая о чём-то своём.

– Ты на сколько старше? Вряд-ли намного. Два-пять лет? И что? Умудрён жизнью и измотан переживаниями? Так ведь всё нормально, смотри на мир проще.

А в самом деле? Он прикинул в уме. Лет шестьдесят, не меньше разница в возрасте... Знала бы она! Её узкое, скуластое лицо под густыми бровями... что-то азиатское в скулах, глазах... нос маленький, вздёрнутый. И огромные, притягивающие взгляд, нереально круглые глаза, он понял, что эффект создан искусственно, кругами чёрной краски, по которой пробежали волны блестящих искорок. О, женские ухищрения! На левом виске уплотнение от сетевого ЧИПа – как у всех них. И разница в пятьдесят лет, это минимум. И ему это было совершенно безразлично, он не чувствовал этой разницы, ему было легко и интересно. Да какая разница?! Не имеет значения...

– Зови меня Федя, – вдруг сказала она и это звучало, как приглашение к диалогу.

– Федора по полной? – уточнил Тим. Имя звучало, как из старой сказки, но кто знает, всё древнее постоянно возвращается.

– Сам ты... ФЕДРА я. По полной...

– Понятненько. Расин. Родители увлекаются античностью?

Она приподнялась, упёршись рукой в траву, её брови сошлись на переносице. Ему это понравилось, он любил вызовы.

– Будешь обзывать – по фейсу. Без проблем. Я не шучу. Дратья я люблю.

– Офигенно! – согласился Тим. Девчонка нравилась ему всё больше.

– Раз Расин, тогда уже «ИФИГЕННО». YES?

Игра слов ему тоже понравилась, девчонка была не только шустрая, но и начитанная. Она снова опустилась рядом, на траву, он любовался её кожей, холмиками груди, и уже не думал о том, что они только что занимались сексом на глазах у людей, открыто, настолько естественно это прошло, как если-бы они просто пожали руки и потёрлись носами. И ведь он был совершенно один на этой новой для него земле, в этом родном, но таком пустом городе.

И он решился. Решился, несмотря на то, что знал – это чревато последствиями. Разными, но одинаково неприятными.

– Мне ты нужна, – медленно выговорил он, и запнулся, увидев округлившись, хотя вряд-ли это было возможно, большие глаза. – Ну... не в этом смысле... а... как спутница... попутчик... Друг, в общем.

Разочарование мелькнуло в её взгляде? или что-то другое? Она легла на бок, подперев голову рукой, он не мог оторвать взгляд от изгиба бедра, господи! только этого не хватало! он почувствовал, как опять желание начинает шевелиться в груди... и не только в груди, кажется. И она тоже это заметила!

– А мог бы сказать и в «этом» смысле... Впрочем, я не знаю, что ты имеешь в виду. Надо понять... Может быть это как-раз то, что нужно мне. Ты пока успокойся, окунься в воду, здесь вода хорошая, минеральная.

– Хорошо, ладно, потом. А пока будешь решать, может быть расскажешь мне об этих ребятах?

– Ребята есть ребята, – она безразлично скользнула взглядом по компании на том берегу. – Что-то конкретно интересует?

– Они случайно собрались, или это друзья? Ты с ними?

– Нет, я сама по себе. Живу там, дом виднеется, через канал, видишь, розовый? А эти ребята с Порта. Я их постоянно здесь вижу. Спокойные люди. Может быть работают вместе, не интересовалась.

– Странно, молодые, современные, и равнодушны к такой экзотике?

– Экзотика, это я? Произвела впечатление? Может быть. У меня мать родом из Кореи, такая оригинальная красота... Кто-то из них раз подошёл, хотел... поближе познакомиться. Он мне не понравился, но бить его я не стала. Они повернутые на сети. Знаешь, которые виртуалы. Они, кажется, и совокупаются там.

– Хорошо, что ты не из таких.

– Нормально.

– А знаешь, я тоже когда-то жил здесь, через канал. Дом восемь.

– Интересно, дом восемь трансформировали лет двадцать назад.

Тим смутился, почувствовал себя жуликом, надо-же так проколоться! Анахронизм ходячий, теперь думай, как выкрутиться.

– Да, конечно, потому мы и поменяли место жительства, уехали на север.

Она спокойно кивнула, играя брелком на пояске, и Тим облегчённо перевёл дыхание: враньё прошло.

– С родителями живёшь?

– Живу! Какая разница! Или тебе нужно знать? Получается, что с родителями. Только не знаю, где они живут. Последний раз, месяц назад приезжали из Сомали. Перед этим, полгода назад, из Шпицбергена. Специалисты по культурным связям. Чего-то там связывают... Я их не интересую, постольку-поскольку.

– Брошенный птенец, значит? – он внимательно наблюдал за её мимикой, но ни один мускул не показал, что его вскользь брошенное замечание что-то серьёзно в ней затронуло, её лицо оставалось спокойным и задумчивым.

– Ты что, стихи сочиняешь? Уважаю поэтов. Не знаешь, чего от них ожидать.

– С многими знакома?

– Они собираются за Казанским собором, на площадке, у канала Грибоедова. Бывает интересно.

Что делалось в её красивой головке, за большим лбом? Он предложил ей дружбу, или больше, чем дружбу? Как сейчас это делается? Что она думает о нём?

– Кофе угостишь?

– Домашним? С удовольствием. Если расскажешь о себе.

– Хорошо. Времени у меня много.

– Тогда пойдём купаться.

Его немного беспокоило, как они пойдут из парка, не ходит-же она по улицам голышом! Однако оказалось, что на пляжике валялись её шорты. Грудь не прикрывалась ничем, и это было красиво.

5

Они вошли в открывшуюся дверь, и Тим замер. Со странным чувством оглядывал он стены, декорированные стеллажами с книгами, ветками тропических растений, объёмными фотографиями известных людей, среди которых были и землероходцы, и учёные и писатели. Он заметил портреты Джордано Бруно, Диккенса, Шекспира, По. Удивила его и мебель, чуть не тысячелетней давности, но предметы были подобраны по принципу целесообразности, никаких слоноподобных буфетов, уродливых конторок, канделябровых стоек, каждой вещью можно было пользоваться и получать от этого удовольствие. Федре не понравился его восторженный взгляд.

– Это всё мама, ретростиль. Мне всё-равно. Только не спрашивай меня об эпохах и мастерах, мне это не интересно... И не надо говорить, что каждый культурный человек должен... Ничего никому я не должна. Культурный человек прежде всего должен быть культурным. Законы этики, эстетики. А подробности экипировки мамлюков, или особенности видения реальности Сальватором Дали, это для специалистов и фанатов. Пойдём на кухню. Или сначала в душ?

– Здесь есть душ? – удивился Тим. Душ после минеральной воды пруда был желателен, на коже чувствовался налёт соли.

– Мы живём в двадцать третьем веке, ты не заметил?

– Я помню этот дом, ну, когда он ещё... До трансформации.

– Да, таких домов в Санкт-Петербурге осталось три, один неподалёку, за парком, другой на Приморском проспекте. Ты имеешь отношение к архитектуре?

– Я имею отношение к душе.

– Хорошо. Я кофе сварю. Не удивляйся, маме его достаёт коллега из Непала.

Потом, когда они пили кофе, Тим встал, прошёлся вдоль стеллажа, замороженно просматривая корешки книг, некоторых касался пальцем, очень осторожно, будто боясь, что это только картинка.

– Я тоже люблю книги. Это навсегда. – Федя тоже приняла душ, накинула полупрозрачный топик, её причёска смешно топорщилась, как иголки злого ежика.

– Да, как всё нелепое, как египетские пирамиды. Выпало из времени, но не из культуры. Ты смешная.

– Я не люблю возиться с волосами, ненужная условность, но приятно, когда на тебя смотрят молодые и красивые. А насчёт культуры... Вот, прочитай. Это из сети, старая выписка, ещё мать скачала, не знаю, зачем. Если интересно, конечно.

– Интересно.

Федя включила проектор, перед Тимом засветилась розовая плоскость экрана.

– Литература, живопись, скульптура, музыка, архитектура – кончились. За последние 150 лет не создано ни одного произведения, достойного занять место в библиотеке достижений человеческой ДУШИ. О кино, театре, опере, ноосети говорить уже просто не хочется, они стали чем-то вроде манипуляционных экспериментов над человеческим сознанием, просто поиски новых эпатажных форм. И надо признать, все эти экспериментаторы имеют скандальный успех. Это, впрочем, как раз легко объяснимо и не об этом здесь идёт речь. Почему за последние пол-века из всех жанров лишь фантастика претерпела взлёт, достигнув высот почти философских? Или это просто означает, что творцы духовных ценностей старательно уходят от реалий жизни, не находя под ногами почвы для этой самой духовности?

Но ПОЧЕМУ сейчас культура практически выродилась, сделавшись развлекательным атавизмом?

Потому-что эре технологий нужны мозги, а истинная культура уводит интеллект в ДУХОВНОСТЬ, в сторону от потребностей «тела», то-есть именно от того, на что и нацелены технологии. Возможно это нормальный процесс, соответствующий законам эволюции цивилизации. В истории общества мы видим несколько подобных периодов, по прошествии которых наступали века Возрождения.

Но может быть это проявление неких законов бытия РАЗУМА, и сейчас мы живём в начальной стадии болезни цивилизации, которая неизбежно приведёт к гибели и исчезновению явления разума?

– Странная теория. О разуме, как болезни материи, во все времена существовали теории, это явление выпадает из нашего материального мира, из системы его законов. Впрочем, двести лет назад очень популярной была теория плоской земли. Но... зачем ты показала мне это?

– Не знаю. Может быть, мне кажется, что ты должен этим интересоваться?

– Спасибо за кофе. Мне надо подумать, ты не против?

– Хорошее дело. Но сначала ответь мне на простой вопрос. Ты здесь как очутился? Родные пенаты проведать? Или по делу?

– Ты хочешь знать, я здесь временно, или надолго? Я здесь по работе. Я везде по работе... А надолго-ли... Не знаю. Это зависит от многого.

Ему и в самом деле надо было подумать. Начинать надо было с той компании, в парке у озера, молодёжь, завсегдатаи сети, стабильное сообщество. Но есть ещё и Федра, странный человек, живёт одна, полностью раскрепощена, легко входит в любую компанию, но держится закрыто. Она понравилась ему, чего скрывать. Вот только разница в возрасте... Чего комплексовать? Он работает, дело есть дело. Но это получается враньё. Он не любил лгать. Но и рассказывать пока рано.

– Думаешь о том, что я тебе нравлюсь?

Голос Федры вернул его в действительность, и он с удивлением обнаружил, что она сидит на полу у его ног, положив подбородок на его колени.

– Конечно, – удовлетворённо сказала она, заметив смущение в его глазах. – Так и должно быть. А поскольку я не красавица, тебе понравилось то, что я говорю. Ты интеллектуал.

– А ты, похоже, психолог.

– В самом деле, я тебе нравлюсь? Вопрос чисто дидактический, мужчины не способны в таких случаях говорить правду.

– Значит, я исключение. Ненавижу враньё. Можешь верить любому моему слову. И комплименты говорить я не умею, тоже приходится врать.

– «Ах, мадам, я в прострации из-за вашего очарования! Шарман!» А если ложь необходима? Знаешь, такие случаи не редкость.

– Тогда я просто молчу.

– Спасибо за откровенность. Я жду ответа на вопрос.

– Нравишься.

– Но? В твоём голосе чувствуется «но». Что-же это? Жена, подруга? Видишь, я тоже просто женщина, не любящая ложь и недоговоренность. И мне не нравится, когда, занимаясь сексом, меня в голове сравнивают с другой. В отрицательную сторону. А ведь мы этим будем заниматься?

– Мне понравилось. Ты кажешься мне близкой, как сказать? я принял тебя в... свою жизнь? Или рано об этом говорить. А о конкуренции не думай, ЕЁ нет, я одинок. И я с отвращением жду момента расставания.

– Но это зависит от тебя. Я пока не вижу поводов.

– Ты прекрасно знаешь, что вечного в жизни не бывает.

– Да, на вечность рассчитывать не приходится. Но лет на сто можно?

– Вот по прошествии века и обсудим этот вопрос.

– Выкрутился? Ошибаешься. Ладно, пока оставим этот вопрос. Но ещё вернёмся. Если, конечно, ты не собираешься неожиданно исчезнуть без следа.

– Не собираюсь... Пока. Знаешь, моя работа связана многими обстоятельствами... Я постараюсь, чтобы ты всегда знала, где я и как меня найти. Если это тебе надо, конечно. А сейчас... Есть какие-то соображения, предложения?

– Конечно. Кое-что призывает... Пройдём-ка в спальню, я тебе кое-что покажу, хочется знать твоё мнение.

6

В спальне ему действительно были продемонстрированы потрясающие вещи, чувствовалось, что Феде понравилось это делать с ним, и она полностью отдавалась полёту фантазии, забывая, в каком мире находится, и его заставляя забыть обо всех чудесах мира, и фантазия её не знала границ и условностей. Всё было естественно и чисто, всё происходило само собой, и только иногда Тим ловил себя на удивлении, где она могла всё это подсмотреть, или просто подчинялась женским инстинктам и желаниям. Потом они долго лежали, молча переживая поток восхищения.

– Ты мне когда-нибудь откроешься? Не пойму – КТО ты? – головка Федры покоилась на его груди, ладошка машинально поглаживала высыхающую кожу.

– Злобный Какабр.

Тим выкроил соответствующую МОРДУ, устрашающе зарычал. Федя лениво взвизгнула, соорудила ответную рожицу: – Это что-то вроде СТРАШНОГО БАМБРА?

– Что-то ... – Тиму не хотелось углубляться, но он знал, что недомолвки не принимаются. – Контроль аберраций ... —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.